

УДК 94(470.621)
ББК 63.3(2Рос.Ады)
Е 60

З.Я. Емтыль,

доктор исторических наук, профессор кафедры истории, политологии и социальных коммуникаций Кубанского государственного технологического университета, г. Краснодар, тел.: 8-918-430-25-55, e-mail: adg1070@gmail.com

**Формирование светской национальной интеллигенции
и инкорпорация Северного Кавказа в российское
геополитическое пространство в конце XIX — 20-е гг. XX вв.:
(на примере адыгских народов)
(Рецензирована)**

Аннотация. В статье анализируется взаимосвязь процесса формирования национальной интеллигенции и инкорпорации Северного Кавказа в российское геополитическое пространство. Отмечается, что специфика процесса формирования светской национальной интеллигенции состояла в том, что он стимулировался, главным образом, факторами внешнего характера, связанными с включением Северного Кавказа в состав Российской империи, а затем советской России. Несмотря на то, что основным содержанием общественной деятельности национальной интеллигенции было повышение гражданского и политического статуса адыгского народа в системе российского государства, она играла объективно позитивную роль в процессе инкорпорации Северного Кавказа в российское социально-политическое и культурное пространство.

Ключевые слова: адыги, национальная интеллигенция, национальное самоопределение, национальное самосознание, светская интеллигенция.

Z. Ya. Emtyl,

Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of History, Political Science and Social Communications, Kuban State University of Technology, Krasnodar, ph...: 8-918-430-25-55, e-mail: adg1070@gmail.com

**The formation of social national intelligentsia
and incorporation of the North Caucasus into Russian
geopolitical space at the end of the 19th century — the 1920s:
(as in the case of Adyghe people)**

Abstract. This paper gives an analyses of correlation of the process of formation of national intelligentsia and incorporation of the North Caucasus into Russian geopolitical space. It is noted that the specific process of formation of social national intelligentsia consisted in its stimulation mainly by means of outer factors connected with the including of the North Caucasus into the Russian Empire and later into Soviet Russia. In spite of the fact that the main content of public activities of national intelligentsia was the rise of the civil and political status of the Adyghe people within the system of Russian state, it played really positive role in the process of incorporation of the North Caucasus into Russian social and political and cultural space.

Keywords: the Adyghe people, national intelligentsia, national self-determination, national self-consciousness, social intelligentsia.

На протяжении многих десятилетий проблема инкорпорации Северного Кавказа в российское геополитическое пространство не теряет своей актуальности, что обуславливается особым стратегическим положением региона. Однако специфика научных исследований данной проблемы характеризуется фокусированием внимания вокруг вопросов, связанных с Кавказской войной, распространением царской администрации на Кавказе, национально-государственной политике царской и советской власти и т.п.

Принципиально значимые изменения, происходящие в теоретико-методологических основаниях современного исторического знания дают импульс к поиску новых способов изучения подобных исторических процессов. Представляется, что исследование взаимосвязи процессов формирования национальной интеллигенции и инкорпорации Северного Кавказа в российское геополитическое пространство способно существенно расширить границы видения проблемы и глубину научного анализа.

Для исследования процесса формирования адыгской интеллигенции ключевое значение приобретает понимание того, что он происходил в условиях непрерывной трансформации всей системы общественных связей адыгов, связанных с необходимостью адаптации к постоянно менявшимся политическим, социально-экономическим и правовым условиям существования. При этом историческое развитие адыгского народа и его интеллигенции значительным образом стимулировалось факторами внешнего характера.

Необходимость вписания в государственную систему Российской империи, а затем революционные преобразования в России вели к изменению направленности и содержания процесса формирования национальной интеллигенции, в котором четко обозначилось два этапа: с конца XIX в. до установления советской власти на Северном Кавказе весной 1920 г. и с весны 1920 г. до начала 30-х гг. XX в.

Включение региона в состав Российской империи поставило перед

властью не только проблемы включения его в общую экономическую, правовую и административную систему, но и ассимиляции местного населения, принятия им культурных норм, господствовавших в российском государстве. Начальник Кубанской области, в частности, отмечал, что в находящейся в его ведомстве области проживало 108 тыс. горцев, «хотя и покоренных силой оружия, но сохранивших в полной силе вместе с магометанской религией свои нравы, обычаи и тесную связь с Турецкой империей», поэтому одной из главнейших задач правительства становилась забота о «нравственном развитии» этого «чуждого» по крови и религии народа, а также воспитание его в духе преданности российскому престолу [1].

Объединение в рамках Российской империи народов различных по происхождению, языку, религии, культуре придавало особую остроту проблеме выработки идеологии и способов «скрепления» всех частей государства в единое целое. Присоединенные территории никогда не мыслились как отдельные провинциальные особи, соединенные с центром одной отвлеченной государственной связью, как какие-то «не России в России». Постепенно и неудержимо расширяясь во все стороны, заселяя граничащие с ней пространства, Россия всегда стремилась уподобить себе включенное в государственные границы инородческое население [2].

Для реализации политических задач в северокавказском регионе правительство стремилось сформировать из среды местного населения групп-транслятор культуры как проводников своего влияния и средства обеспечения своих интересов. В целях формирования подобной группы использовались самые различные средства: жалование чинов и земель, активизация миссионерской деятельности. Учитывая характер исследуемой проблемы, особое значение приобретало распространение российского светского образования, непосредственно связанного с усилиями царского правительства, направленными

ми на подготовку из местного населения чиновников и служащих государственных учреждений, что создавало условия для формирования светской национальной интеллигенции.

Говоря о стремлении царских властей к созданию группы-транслятора русской культуры, необходимо также отметить, что в подобной группе было заинтересовано и собственно адыгское общество. С завершением Кавказской войны четко обнаруживается чувство ущемленного национального достоинства адыгов, переживших длительную и кровопролитную колонизацию, осознавших неизбежность вхождения в состав государства, чуждого по своей культуре и религии, утративших большую часть территории проживания, этническую целостность в связи с массовым переселением в Турцию. Все это поставило в первый ряд проблему самосохранения народа. В сложных социально-политических условиях существования у адыгов четко обнаружилась этнизация сознания, усилилась эмоциональная сила восприятия этнической принадлежности.

Наиболее дальновидные представители адыгского народа все четче стали понимать, что их положение в государстве зависит от того, насколько они смогут адаптироваться к новым общественно-политическим условиям. Адаптация, в первую очередь, подразумевала осознание новых нормативных, ценностных структур, существовавших в русском обществе. В известной степени поэтому с конца XIX в. в адыгском обществе происходило активное осмысление важности светского образования как одного из основных способов адаптации. Зрело понимание того, что «образование облегчает жизненную карьеру» [3], что от него зависит социальный статус в российском государстве.

Эта тенденция нашла отражение во множестве прошений горцев на предоставление права поступления в российские учебные заведения. «Имея ревностное желание учиться... — писал князь Шехарбий Дударуков, — я долгом своим счел явиться к вашему превосходительству и покорнейше

прошу... предоставить мне окончить курс образования в России и заслужить право в государстве» [4]. В данном заявлении совершенно отчетливо вырисовывается осознание связи между уровнем образования и социальным статусом человека в обществе.

Коренные изменения социально-политической ситуации, обусловленные этническими процессами, происходившими в самом адыгском обществе, а также утверждением российского политического влияния в регионе, обнаружили потребность в пересмотре всего комплекса ранее существовавших ценностных структур, выработке такого комплекса идей, которые соответствовали бы новой системе отношений. Важность решения этой задачи предопределила появление в общественной жизни адыгов нового социокультурного явления — интеллигенции.

Применительно к адыгской интеллигенции следует отметить, что как социокультурная группа она начала складываться в конце XIX — начале XX вв. Многочисленные факты позволяют говорить о ней как о немногочисленной группе взаимодействующих друг с другом индивидов, общественная значимость деятельности которых выходила далеко за пределы ее численности.

Четко проявившаяся роль и значение национальной интеллигенции в общественной жизни народа была определена спецификой исторического развития адыгов, характеризовавшейся необходимостью самосохранения численно незначительного этноса в сложных социально-политических условиях, что предопределило чрезвычайную замкнутость и традиционность адыгского общества. Не удивительно, что в подобных условиях существования деятельность немногочисленной интеллигенции получила особую известность, определяла существенные изменения социокультурных стереотипов общества.

Понимая трагизм и переломность эпохи в которую ей пришлось жить, заботясь о настоящем и будущем своего народа, представители национальной

интеллигенции уделяли большое внимание вопросу политического беспартийности адыгов. Надеясь быть услышанными властями и повлиять на методы утверждения российского господства на Северном Кавказе они ставили вопрос о представительстве адыгов в органах административного управления всех уровней и судах. Обращалось внимание на некомпетентность государственных чиновников на Кавказе, которые в основном своей массе не только не знают, но и не любят адыгский народ, смотрят на него свысока, видя в нем «вечно доимых овец» [5].

Ущемление гражданских и политических прав адыгского народа стимулировало такое своеобразное демографическое явление, как махаджирство конца XIX — начала XX вв., прекращение которого интеллигенция рассматривала как одно из приоритетных направлений общественно-политической деятельности. Прекрасно понимая, что к переселению адыгов толкают, главным образом, бедность и произвол русского чиновничества, интеллигенция старалась предостеречь своих соотечественников от этого опрометчивого шага, отмечая, что какие бы ни были чиновники на Кавказе, «но самый бесчестный из них лучше «турецкого»...» [6].

В целом комплексе публицистических работ [7] и в личных беседах с населением предпринимались попытки раскрыть негативную роль Турции в судьбе переселенцев с Кавказа. В начале XX в. подобная разъяснительная работа приобретала особую значимость в связи с тем, что многие прогрессивные мусульманские деятели связывали большие надежды с социально-политическими изменениями в Турции. В противовес им высказывалось убеждение, что в новой Турции ничего не изменится в смысле положения адыгов [8].

Несогласие с политической и социальной дискриминацией адыгов в Российской империи, с одной стороны, и критика надежд, возлагаемых на единоверную Турцию, с другой, неизбежно приводили к мысли о необходимости определения своего отношения к включению региона в состав Россий-

ского государства. Развенчивание «турецкого рая» сопровождалось пропагандой единой родины. «Раньше всего необходимо установить раз и навсегда, — писал Ю.К. Ахметуко, — что мы, русские мусульмане, стремимся к мирным целям и считаем Россию нашей Родиной» [9].

В советской историографии на основе подобных высказываний сложилась точка зрения, что светски образованная часть адыгского общества считала прогрессивным вхождение адыгов в состав российского государства. Однако этот прямолинейный вывод не отражал всей сути позиции интеллигенции. Ее прорусская ориентация не вызывает сомнения, но она в определяющей степени исходила из учета политических, экономических и культурных перспектив этого союза, была предопределена пониманием конкретных исторических реалий.

Интеллигенция не имела иллюзий в отношении государств, борющихся за влияние в этом регионе. Господству отсталой в социально-экономическом и политическом плане Турции основная часть интеллигенции предпочитала власть «русского царя», веря в то, что только Россия способна вывести адыгский народ в полосу «радостной жизни» [10].

Не скрывая настроенных отношений, сложившихся в годы Кавказской войны между адыгским и русским народами, многие считали необходимым оставить в стороне исторические счёты. «Раз судьба связала русских и горцев, — писал С. Сиюхов, — то требуется выработать «modus vivendi» — формулу жизни, взаимные отношения, приличествующие двум бывшим достойным врагам» [11].

Свою задачу интеллигенция видела не только в том, чтобы способствовать решению актуальных общественно-политических проблем, но и в выработке ценностно-ориентированной основы последующей культурной деятельности народа, которая бы наряду с новыми идеями вобрала бы в себя богатство культурных форм, накопленных предшествующими поколениями.

Пытаясь решить эту задачу, светская интеллигенция выступили за европеизацию общественного быта адыгов при сохранении и развитии важных элементов этнической культуры. Яркое проявление ее общественных устремлений нашло отражение в усилиях по созданию национальной письменности, постановке и разработке важнейших вопросов истории своего народа, сборе и публикации обширного материала по культуре и фольклору адыгов.

Переломный характер в развитии процесса формирования национальной интеллигенции и дальнейшем ходе процесса инкорпорации Северного Кавказа в российское геополитическое пространство имели революционные преобразования в России. Установление советской власти привело не только к ломке всей системы общественных и социальных связей, но и к серьезным изменениям в характере развития, содержании деятельности, количественном и качественном составе адыгской интеллигенции.

Интересы «революционно-строительной» работы на окраинах и их органичного вписания в советское политическое пространство, поставили перед новой властью необходимость широкого привлечения к работе во всех государственных структурах немногочисленных кадров национальной интеллигенции [12], что должно было символизировать близость советской власти интересам народов коренных национальностей и что не менее важно обеспечить успешную коммуникацию с инокультурной национальной средой.

Следует отметить, что многие представители адыгской интеллигенции приняли активное участие в социалистических преобразованиях общественной жизни своего народа. Сотрудничество с новой властью, как правило, обуславливалось не тем, что она разделяла социально-политическую доктрину большевиков.

Одним из центральных вопросов для адыгской интеллигенции был национальный вопрос. Широкая пропаганда большевиками среди горцев положений «Декларации прав народов

России», «Обращения СНК к трудящимся мусульманам России и Востока» дала свои положительные результаты. Значительная часть адыгской интеллигенции считала, что их реализация создаст условия не только для ликвидации национального гнета и сохранения национальной культурной самобытности народа, но и его самоопределения. Непосредственное участие в организации работы новых органов власти, культурно-просветительских учреждений, по мнению интеллигенции, создавало возможность влиять на общественно-политические и социокультурные преобразования через легальные каналы. Не последнюю роль сыграла взвешенная оценка ситуации и стремление социально адаптироваться к новым общественно-политическим условиям.

Однако изначально новая власть рассматривала формирование «новой» социалистической интеллигенции как наиболее перспективное направление деятельности в отношении национальной интеллигенции. Власть исходила из понимания того, что без кадров интеллигенции, абсолютно преданных делу Коммунистической партии, рабочего класса и трудового крестьянства строительство социализма невозможно [13].

Основным каналом формирования «новой» интеллигенции стала система высшего и среднего профессионального образования. Планомерная масштабная деятельность по формированию профессиональных кадров для всех отраслей народного хозяйства и государственного управления началась сразу после завершения Гражданской войны.

Особенно принципиально вопрос о классовом подборе учащихся вузов и техникумов стал с середины 20-х гг. XX в. Основная партийная директива состояла в комплектовании данных учебных заведений по всем видам образования по классовому признаку [14].

Однако классовый подход к комплектованию учащихся вузов и техникумов не вписывался в социально-культурные реалии быта адыгского народа. Среди социально близких

советской власти слоев населения в начале 1920-х гг. не было подготовленного «материала» для вузов и техникумов, как с точки зрения наличия базового образования, так и с точки зрения заинтересованности в возможности получения образования.

В данных обстоятельствах Северо-Кавказский отдел народного образования в 1930 г. пошел на беспрецедентный шаг — своим распоряжением всем приемным комиссиям понизил академические требования в отношении указанных категорий при зачислении их в вузы [15]. Пролетаризация высшего и среднего образования сделала необходимой довузовскую подготовку рабочих и крестьян.

Политика комплектования состава учащихся по классовому признаку имела большое влияние на изменение не только социального состава интеллигенции. Создавались условия, при которых сильно ограничивались возможности получения «большого» образования детьми представителей старой интеллигенции, которые в отличие от молодежи пролетарского происхождения обладали необходимой суммой знаний и были способны к восприятию и усвоению сложных профессиональных навыков [16]. Данная политика неизменно приводила к изменению качественных характеристик интеллигенции. Ставшая источником формирования «новой» пролетарской интеллигенции рабочая и крестьянская молодежь, в силу объективных причин не могла обеспечить прежнего культурного и интеллектуально-образовательного уровня.

С первыми успехами в области формирования новой социалистической интеллигенции трудового происхождения совпал поворот в отношении к старой интеллигенции. Теперь советское государство не было столь обременено необходимостью поиска компромиссов со старыми профессиональными кадрами интеллигенции. Общая партийная установка, направленная на вытеснение «старой» интеллигенции из всех сфер общественной жизни, с энтузиазмом стала исполняться на

Северном Кавказе. В ноябре 1928 г. президиум Северокавказской краевой контрольной комиссии ВКП(б) принял постановление об организации проверки работников советских учреждений и освобождении от работы в органах власти классово чуждых элементов.

Следует отметить, что политика вытеснения «старой» национальной интеллигенции была обусловлена не только необходимостью очистить аппарат от классово чуждых элементов, но и стремлением новой власти интернационализировать все сферы общественной и духовной жизни советских народов. Призывы национальной интеллигенции учитывать национально-культурную специфику народа в процессе социалистического переустройства, безусловно, мешали решению данной задачи.

В национальных образованиях Северного Кавказа активно начинает реализовываться партийная установка о необходимости борьбы с вредным для дела коммунизма националистическим уклоном. Подавляющее большинство представителей старой интеллигенции было подвергнуто репрессиям «как приспешники буржуазных националистов и национал — уклонисты» [17].

Усилия советской власти в области формирования «новой» адыгской национальной интеллигенции позволяют говорить о том, что уже к концу 20-х гг. удалось создать прослойку интеллигенции пролетарского происхождения, преданную интересам трудового народа, искренне верящую в то, что именно Советская власть дала адыгскому народу право на свободное развитие. Она была готова реализовывать в жизнь не только профессиональные, но и идеологические задачи, намеченные партией.

Говоря о достижениях советской власти в области формирования «новой» адыгской интеллигенции, следует отметить, что политика большевиков в области культуры в целом характеризовалась выраженным стремлением к унификаторству. Содержание национальных культур в соответствии с планами большевиков должно было быть

наполнено пролетарским, интернациональным, социалистическим содержанием.

Широко тиражируемые новой властью представления о культурной отсталости национальных меньшинств и засилии патриархально-феодалных пережитков, подлежащих решительному искоренению, постепенно формировали у новой национальной интеллигенции отторжение национальных основ культуры. Оставаясь национальной по формальному признаку (этническая принадлежность), интеллигенция становилась носителем и проводником ценностей, ориентированных не на сохранение и развитие национально-культурной специфики своего народа, а на интернационализацию его сознания и быта. «Новая» интеллигенция в массе своей была готова с энтузиазмом реализовывать не только профессиональные, но и идеологические задачи, намеченные коммунистической партией и большевистским правительством.

Исследование процесса формирования светской адыгской интеллигенции позволяет сделать вывод о том, что в отличие от европейских государств, где интеллигенция возникла в результате социально-экономического развития и углубления процесса общественного разделения труда, у адыгов определяющую роль в развитии процесса формирования национальной интеллигенции сыграли социально-политические изменения, связанные с включением Северо-Западного Кавказа в состав Российской империи. Создавая реальную угрозу для дальнейшего существования адыгов как этноса, они обусловили усиление эмоционального восприятия этнической принадлежности и выделение интеллигенции

как социокультурного слоя, способного сформировать ценностно-ориентированный комплекс представлений, соответствующих новой системе отношений и обеспечивающих самосохранение и развитие адыгов.

Важную роль в формировавшемся облике национальной интеллигенции играла национально-государственная политика российских властей в регионе, которая стремилась в лице светской национальной интеллигенции получить проводников новых ценностей, средство обеспечения своих интересов.

Специфика формирования адыгской интеллигенции определила специфику содержания ее общественной деятельности, основным содержанием которой стало осмысление сложных национально-политических проблем, самосохранение и эволюция адыгов как этноса, повышение гражданского и политического статуса адыгского народа в системе российского государства.

Как это ни парадоксально, направленность интеллигенции на самосохранение и самоутверждение своего народа в системе российского государства не вела к развитию национального сепаратизма. Более того, интеллигенция играла объективно позитивную роль в процессе инкорпорации адыгов в Российское социально-политическое и культурное пространство.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта научных исследований («Роль национальной интеллигенции в инкорпорации Северного Кавказа в российское геополитическое пространство в конце XIX в. — 20-е гг. XX в. (по материалам адыгских народов)»), проект 14-11-23007 (Региональный конкурс «Северный Кавказ: традиции и современность»).

Примечания:

1. ГАКК. Ф. 454. Оп. 1. Д. 149. Л. 15.
2. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1991. С. 485.
3. Сиюхов С. Всеобщее образование и черкесы // Сефербий Сиюхов — адыгский просветитель. Майкоп, 1991. С. 57.
4. ГАКК. Ф. 454. Оп. 2. Д. 2321. Л. 28.
5. Шарданов Б. Черкесы. Забытый народ // Кубань. Екатеринодар, 1906. №76.
6. Хатакокор Д.-Г. Положение черкесов в Турции // Мусульманин. Париж, 1908. №1. С. 6.
7. Хатакокор Д.-Г. Турция для турок // Мусульманин. Париж. 1908. №2. С. 31-32; Хаджимокр Х. Что мы делаем // Там же. 1910. №1. С. 516-518; Ечерух М. Роль

- мусульманки в последних событиях // Там же. 1910. №4. С. 100-107; Ахметукур Ю. К нашим единоверцам и землякам // Там же. 1910. №24. С. 88-100 и др.
8. Хатококор Д.-Г. Турция для турок ... С. 31.
 9. Ахмеуко Ю. Мысли вслух // Мусульманин. Париж, 1910. №15. С. 331.
 10. Цей И. В сумерках // Архив АРИГИ. Ф. 1. П. 124. Д. 42.
 11. Сиюхов С. Не меч, а мир // Сефербий Сиюхов — адыгский просветитель. Майкоп, 1991. С. 72.
 12. Сталин И. Политика советской власти по национальному вопросу в России // Сталин И. Сочинения. Т. 4. М., 1951. С. 360.
 13. Бекижев М. Формирование социалистической интеллигенции у народов Северного Кавказа (1917-1841 гг.). Черкесск, 1978. С. 8.
 14. Амо А. Пролетаризация высшей школы // Революция и культура. 1929. №4. С. 14.
 15. ЦГА КБР. Ф. р-16. Оп. 1. Д. 149. Л. 115.
 16. Чащарина О.М. Вопросы формирования национально-технической интеллигенции на Северном Кавказе // Северный Кавказ: выбор пути национального развития. Майкоп, 1994. С. 189.
 17. Мамсиров Х.Б. О месте северокавказской интеллигенции в культурно-модернизационных процессах 20-х гг. XX в. // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2005. №3. С. 39.

References:

1. GAKK F. 454. Op. 1. D. 149. L. 15.
2. Danilevsky N.Ya. Russia and Europe. М., 1191. P. 485.
3. Siyukhov S. Universal education and the Circassians // Seferbi Siyukhov — the Adyghe enlightener. Maikop. 1991. P.57.
4. GAKK.F.454.Op.2.D.2321.L.28.
5. Shardanov B. The Circassians. The forgotten people. Kuban. Ekaterinodar. 1906. No.76.
6. Khatokokor D.G. Turkey for the Turks. The Muslim. Paris. 1908. No.1. P.6.
7. Khatokokor D.G. Turkey for the Turks. The Muslim. Paris. 1908. No.2. P.31-32; Khadjimokr Kh. What are we doing? // Ibidem. 1910. No.1. P.516-518; Echerukh M. The role of a Muslim woman in last events // Ibidem. 1910. No.4. P.100-107; Akhmetukur Yu.K. To our co-religionists and compatriots // Ibidem.1910.No.24. P.88-100, etc.
8. Khatokokor D.G. Turkey for the Turks...P.31.
9. Akhmeuko Yu. Thoughts aloud. The Muslim. Paris,1910.No.15.P. 331.
10. Tsei I. At half-lights// Archive ARIGI.F.1.P.124.D.42.
11. Siyukhov S. Not a sword but peace// Seferbi Siyukhov— the Adyghe enlightener. Maikop.1991.P.72.
12. Stalin I.Policy of the Soviet power on the national question in Russia // Stalin I. The writings. V.4.M., 1951.P.360.
13. Bekizhev M. Building up socialist intelligentsia among the North Caucasus people. (1917-1841) Cherkessk,1978.P.8.
14. Amo A.Proletarization of the high school // Revolution and culture. 1929. No.4. P.14.
15. CSA KBR.F.16.Op.1.D.149.L.115.
16. Chasharina O.M. Questions of formation of national-teichnical intelligentsia in the North Caucasus // The North Caucasus: the choice of the way of national development. Maikop. 1994.P.189.
17. Mamsirov H.B. On the place of the northcaucasian intelligentsia in cultural and modernizational processes in the 1820s // Universities News. The North Caucasian region. Social sciences. 2005. No. 3. P.39.